

Hajj as an Element of Spatial Mobility of the Muslim Population of Siberia in the Context of the State-Confessional Policy of the Russian Empire in the Second Half of the 19th to Early 20th Centuries

Petr K. Dashkovskiy¹ & Elena A. Shershneva²

Altay State University, Barnaul, Russia

Received: 23 April 2023 | Revised: 7 July 2023 | Accepted: 22 July 2023

Abstract

Hajj represents one of the most significant events in the life of the Muslim community. In the Russian Empire where Islam had become the second largest denomination in terms of the followers by the beginning of the 20th century, the Hajj transitioned from being a purely religious phenomenon to acquiring a certain political significance too. It was through this pilgrimage that Russian citizens professing Islam established relationships with their coreligionists from abroad.

The aim of this study is to trace the degree of participation of Siberian Muslims in this process during the second half of the 19th to early 20th centuries and to assess their ability to perform the Hajj. Relying on archival materials, the authors demonstrate the importance of the process of organizing the Hajj and the participation of Muslims from the Russian Empire. The research revealed that Siberian Muslims were relatively minimally involved in the Hajj for several reasons. Firstly, a portion of the Muslims in Siberia had the status of exiles, which limited their movement both abroad and within the country. Secondly, the remoteness of the territory from the main sanitary checkpoints also discouraged potential pilgrims. In light of these circumstances, a phenomenon known as the “small hajj,” i.e., visiting holy places in Central Asia, became common among Siberian Muslims. The administrative challenges associated with performing the Hajj led many Muslims from various regions of the Russian Empire, including Siberia, to partake in pilgrimages illegally.

This article may be of interest to religious scholars, historians, ethnographers, as well as a broad readership interested in the issues of state-confessional policy in the Russian Empire.

Keywords

Islam; Muslims; Hajj; Ummah; State-Confessional Policy; Siberia; Mullah; Muslim Clergy; Russian Empire; Holy Places

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: dashkovskiy[at]fpn.asu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

2 Email: D2703[at]yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>

Хадж как элемент пространственной мобильности мусульманского населения Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.

Дашковский Петр Константинович¹, Шершнева Елена Александровна²

Алтайский государственный университет. Барнаул, Россия

Рукопись получена: 23 апреля 2023 | Пересмотрена: 7 июля 2023 | Принята: 22 июля 2023

Аннотация

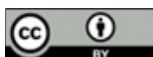
Хадж — одно из наиболее значимых явлений в жизни мусульманской общины. В Российской империи, в которой ислам к началу XX в. стал второй по числу последователей конфессией, хадж становится не только сугубо религиозным явлением, но и приобретает определенное политическое значение. Именно через паломничество российские подданные, исповедующие ислам, выстраивали взаимоотношения со своими единоверцами из-за рубежа.

Целью данного исследования было проследить, насколько мусульмане Сибири оказались включенными в данный процесс во второй половине XIX – начале XX в., и оценить их возможности для совершения хаджа. В данной статье авторы, опираясь на архивные материалы, продемонстрировали степень значимости процесса организации хаджа и участия в нем мусульман из Российской империи. В рамках проведенного исследования установлено, что мусульмане Сибири были достаточно слабо задействованы в хадже, по ряду причин. Во-первых, часть мусульман Сибири имела статус ссыльных, что ограничивало их перемещения не только за границу, но и в пределах страны. Во-вторых, удаленность территории от основных санитарно-пропускных пунктов также не способствовала росту желающих совершить паломническую поездку. В этой связи для мусульман Сибири появляется такое явление, как малый хадж, т.е. посещение святых мест на территории Средней Азии. Не следует также забывать и об административных сложностях совершения хаджа, что заставляло многих мусульман из разных регионов Российской империи, в т.ч. и из Сибири, совершать паломнические поездки нелегальным путем.

Данная статья может быть интересна религиоведам, историкам, этнографам, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами государственно-конфессиональной политики в Российской империи.

Ключевые слова

Ислам; мусульмане; хадж; умма; государственно-конфессиональная политика; Сибирь; мулла; мусульманское духовенство; Российская империя; святые места

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: dashkovskiy[at]fjn.asu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

2 Email: D2703[at]yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>

Введение

Расширение территориальных границ российского государства привело к включению в его состав регионы, на которых проживали народы, традиционно исповедующие ислам. К началу XX в. значительно увеличивается численность мусульманского населения Российской империи за счет включения в её состав новых территорий в предшествующее столетие. Таким образом мусульманское население страны, согласно переписи населения 1897 г., составило почти 14 миллионов человек, а ислам стал второй по числу последователей конфессией в государстве (Романовская, 2006, с. 149). Существенное увеличение числа последователей исламской традиции во второй половине XIX в. потребовало особенно пристального внимания со стороны государства к исповедующим её народам. Такое внимание со стороны имперской власти было связано с возросшей политической и общественной активностью мусульманского населения в стране, а также усиливающимся влиянием на них со стороны единоверцев из-за рубежа.

Несмотря на все попытки со стороны правительства ввести некоторые ограничения с целью установления контроля за жизнью исламской уммы, мусульманское население страны сохраняло свои традиции. Фактором, способствующим этноконфессиональной стабильности российской уммы, являлись её контакты со своими единоверцами из мусульманских стран.

Одним из источников таких контактов являлась торговля с мусульманскими странами. В результате торговых контактов со своими единоверцами российские мусульмане получали книги, предметы искусства и быта. Кроме того, на территорию Российской империи проникали мусульманские учителя и проповедники, являвшиеся носителями исламской традиции. Сибирские мусульмане перенимали основы мусульманского вероучения из Средней Азии, а некоторые представители исламской культуры стремились получить образование за рубежом, для ведения дальнейшей проповеди на родине (Набиев & Гафаров, 2012, с. 37).

Ещё одним способом установления контактов с исламским миром для российских мусульман являлся хадж (паломничество). Совершая паломнические поездки, мусульмане не только исполняли свой религиозный долг, но и могли ощутить себя частью этого мира.

Хадж является одним из основных столпов ислама, который следует совершить всем мусульманам, если для этого есть силы и финансовые возможности. Паломничество в Мекку, самую главную святыню мусульманского мира, является неотъемлемой частью жизни всех мусульман на протяжении многих столетий. Мусульмане Российской империи также испытывали потребность в совершении хаджа, хотя для них он всегда являлся одним из самых трудных обрядов. В хадже верующие видели, прежде всего, фактор сохранения религиозных и культурных связей внутри исламского мира.

В Российской империи хадж долгое время не был-организованным явлением, поэтому не существовало даже конкретных маршрутов передвижения паломников (Кейн, 2021).

Целью данного исследование было проследить, насколько мусульмане Сибири оказались включены в данный процесс во второй половине XIX – начале XX в., и оценить их возможности для совершения хаджа.

Благодаря архивным материалам, представленным в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Красноярского края (ГАКК), а также Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан (ЦГИА РБ), нам удалось выявить сложности, с которыми сталкивалось мусульманское население Сибири при совершении паломнических поездок. Архивные материалы содержат Циркулярные распоряжения, донесения, рапорты и прошения, которые характеризуют отношение государственных органов к такому явлению среди российских мусульман, как хадж. Анализ источников позволяет выявить вовлеченность мусульманского населения Сибири в процесс совершения паломничества, а также установить, насколько тесными были связи мусульман со своими единоверцами за рубежом. В архивных документах содержится проект «Временных правил о паломничестве мусульман», а также обсуждение представителями государственных органов вопроса о принятии данных правил.

Работа построена на методологических принципах историзма и объективности, позволяющих оценить роль органов государственной власти в организации хаджа на территории Российской империи. При подготовке работы применялись как общенаучные (анализ, синтез, обобщение), так и специальные исторические методы (сравнительно-исторический и ретроспективный). Использование комплекса данных методов позволяет раскрыть проблемы организации хаджа на территории Российской империи. Системный анализ источников по теме исследования дал возможность оценить вовлеченность мусульманского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. в процесс совершения хаджа российскими мусульманами.

Вопрос совершения хаджа российскими мусульманами в последние годы становится весьма актуальной темой исследования. Особое внимание авторами уделяется анализу законодательного регулирования данного явления на территории Российской империи (Арапов, 2004; Бекмурзаев, 2011; Сибгатуллина, 2010; Ханмагомедов, 2011). Опираясь на широкий круг источников, авторы демонстрируют отношение правительства к проблеме хаджа.

Немаловажная роль в регулировании процесса совершения хаджа российскими мусульманами отводилась Турции (Байдакова, 2006; Кейн, 2021; Набиев & Гафаров, 2012; Нуриманов, 2019). Во второй половине XIX – начале XX вв. мусульмане-подданные Российской империи видели гарантом своих религиозных прав Османскую империю. Турецкие агенты стремились оказать не только духовную, но, прежде всего, экономическую поддержку

паломникам. Выстраивание тесных и дружественных отношений российских подданных мусульман со своими единоверцами за рубежом приводило к еще более жесткому контролю хаджа со стороны российского правительства. Несмотря на то, что авторами достаточно много уделено внимания хаджу как обязательной составляющей жизни российских мусульман, вовлеченность мусульман Сибири в данный процесс практически осталась за пределами специальных научных исследований.

Роль «святых мест» в сохранении религиозных связей в мусульманском мире

Для мусульман Сибири совершение хаджа иногда ограничивалось совершением паломничества к «святым местам» на территории Средней Азии (Литвинов, 2016; Литвинов, 2017; Литвинов, 2020; Афаунов, 2008). Авторы обращают внимание на тот факт, что в мусульманской среде сибирского региона формируется особое отношение к могилам святых и их хранителям, что приводило в некотором случае к замене хаджа в Мекку посещением отдельных культовых объектов на территории Средней Азии.

Для российских мусульман Средняя Азия стала центром исламской культуры и духовности. В данном регионе располагалось большое количество «святых мест», которые стали центром притяжения мусульман империи. Особое внимание российские мусульмане уделяли именно хранителям «святых мест». Связано это было с тем, что сибирские татары, например, семи-кратное посещение астаны Хаким-ата приравнивали к хаджу в Мекку. В целом культ поклонения могилам святых в исламе сибирских мусульман являлся его неотъемлемой частью (Афаунов, 2008, с. 49). Не следует также забывать, что хранители «святых мест» становились правообладателями доходов от паломничества, а также претендовали на материальные и денежные пожертвования. Таким образом, в Российской империи контроль над «святыми местами» на территории Средней Азии представлялся весьма почетным и прибыльным занятием. В рамках доклада краевого начальства по запросу императора о положении ислама и его учреждений на территории Средней Азии в 1899 г. упоминалось о получении доходов от «святых мест» (Литвинов, 2020, с. 785–786).

В рамках хаджа происходило общение мусульман, осознавался единый путь развития мусульманского мира. Паломничество являлось одной из ведущих проблем для российской имперской власти, т.к. подданные мусульмане, совершая хадж, оказывались под влиянием своих единоверцев, и среди них могли распространяться антиправительственные настроения. Несмотря на все сложности, хадж совершался некоторыми мусульманами неоднократно, а по его завершению не все русские подданные мусульмане стремились на родину.

Деятельность государственных органов по регулированию процесса перемещения мусульманского населения Российской империи

Во второй половине XIX в. важной задачей государства становится выстраивание административных мероприятий таким образом, чтобы они могли учесть интересы верующих, не нарушая политической целостности государства. Понимая, что запрет на паломничество со стороны государства может вызвать недовольство в мусульманской среде, в 1856 г. правительство поддержало создание Российского общества пароходства и торговли, которое организовывало постоянные паломнические рейсы Одесса – Яффа (Нуриманов, 2019, с. 75). Таким образом, имперские органы власти стремились установить некоторый контроль над мусульманским населением империи, отправляющимся в хадж.

Потребность в тщательном контроле над совершением хаджа со стороны государства отмечал генерал-губернатор Туркестанского края К. П. Кауфман, т. к. он был сопряжен с выездом российских подданных за пределы страны. При этом полного запрета, по мнению чиновника, на его совершения не следовало вводить, поскольку это вызвало бы всплеск фанатизма и рост антироссийских настроений в мусульманской среде. Попустительство, по мнению К. П. Кауфмана, в данном вопросе также было недопустимо, в связи с тем, что это могло вызвать в регионах империи ухудшение эпидемиологической обстановки, а также способствовать росту антиправительственных настроений (Литвинов, 2014, с. 89). Начиная с 1870-х гг., проблема хаджа российских мусульман начинает обсуждаться на государственном уровне. Главными участниками обсуждения становятся Министерство иностранных дел, посольство в Стамбуле и консульство в Джидде.

Консульство в Джидде было открыто 3 июня 1891 г. Согласно инструкции Министерства иностранных дел, задачей консула было следить за настроениями мусульман, прибывающих для совершения хаджа. При этом следовало выявлять наиболее фанатично настроенных граждан и сообщать о них на родину. Кроме этого, задача консульства виделась в урегулировании беспорядков с паспортами паломников, их доставкой и размещением (Байдакова, 2006, с. 262). Однако в отношении учета прибывающих паломников существовала определенная проблема. Многие российские подданные отправлялись в паломнические поездки нелегальным путем, не имея паспорта, что затрудняло их учет (Нуриманов, 2019, с. 78–79). Таким образом, создание консульства не решало всех проблем, возникающих в период хаджа.

Проблема учета мусульманского населения, отправляющегося для совершения хаджа, связанного с их нелегальной отправкой, объяснялась сложностью получения разрешений для его совершения. Желая совершить хадж, должен был заручиться поддержкой сельской общины, а также получить

справку о своей благонадежности от местного начальства (Байдакова, 2006, с. 261). Ещё большую сложность процесс получения официального разрешения для совершения хаджа представлял для духовных лиц мусульманского вероисповедания. Так, 28 ноября 1862 г. в рапорте старшего ахуна Тобольской губернии г. Петропавловска, направленного в губернское управление, указывалось, что он ранее подал рапорт о выдаче ему паспорта для совершения паломнической поездки в Мекку сроком на один год. При этом он указывал лиц, которые смогут исполнять возложенные на него обязанности в период совершения им хаджа (ЦГИА РБ., 1862, л. 2). Такие сложности касались не только мулл, оправляющихся в Мекку, но и совершающих поездки внутри страны. Так, в поданном в 1869 г. прошении на имя императора старший уездный мулла г. Тары просил разрешить выдать ему паспорт на год, для того чтобы он мог отправиться в г. Петропавловск и другие города России по своим нуждам. При этом в своем обращении он подчеркнул, что исполнял свои обязанности уже 12 лет, – и ни разу не обращался с просьбой о предоставлении ему отпуска. Мулла также указывал, кто вместо него сможет исполнять обязанности духовного лица в период его временного отсутствия (ЦГИА РБ., 1868-1869). Согласно поданным рапортам, губернское начальство должно было утвердить предложенные кандидатуры, и только после этого лица духовного звания могли получить разрешение на отпуск.

Данный факт подтверждается и тем, что Департаментом духовных дел иностранных исповеданий в феврале 1896 г. всем губернаторам был разослан Циркуляр, в котором разъяснялось, каким образом следует увольнять лиц мусульманского духовного звания в отпуск. В связи с тем, что в законодательной базе отсутствуют четкие разъяснения об увольнении мусульманского духовенства в отпуск, это нарушало исполнение возложенных на мулл религиозных обрядов. В данном Циркулярном распоряжении разъяснялось, на основании каких законодательных норм, действующих в Российской империи, мусульманское духовенство может быть уволено в отпуск. Так, на основании Устава о службе гражданской мусульманские муллы утверждались в своих должностях и увольнялись в отпуск губернскими властями. В соответствии с данным документом предлагалось установить следующие правила. Во-первых, муллы, подведомственные Оренбургскому магометанскому духовному собранию, могли увольняться губернским начальством на основании действующих законодательных норм. Во-вторых, кратковременные (не менее двух недель) отлучки мулл вне пределов прихода могли допускаться по разрешению губернского начальства и при уведомлении полицейского управления (ЦГИА РБ., 1894-1896, л. 6).

Имперские власти стремились всячески ограничить паломнические поездки мусульман. Одним из доступных способов для этого, который не вызвал бы серьезной волны возмущения среди мусульман страны, являлось ведение ограничений в связи с ухудшающейся эпидемиологической обста-

новкой в регионах хаджа. В апреле 1881 г. Енисейским губернским правлением был разослан Циркуляр департамента полиции о восстановлении принятого в 1874 г. Министерством внутренних дел Циркуляра, запрещающего отправляться российским мусульманам в Мекку сухопутным путем из-за распространения бубонной чумы (ГАКК, 1881–1882а, 1–1об., 2 об.). Однако ранее, в феврале 1881 г., Министерством внутренних дел был разослан Циркуляр на имя губернаторов о разрешении мусульманам наравне с другими подданными империи, выезжать за границу на основании действующего законодательства. Обращалось внимание на тот факт, что перед этим последовало массовое переселение мусульман в Турцию из ряда регионов империи, в частности, Крыма и Западной Сибири, под предлогом совершения паломничества. В связи с этим, по распоряжению Енисейского губернатора необходимо было разослать по всем Полицейским управлениям Енисейской губернии Циркуляр, согласно которому, выдавая заграничные паспорта, следовало обращаться к распоряжениям Министерства внутренних дел от 1865 г. и 1879 г., касавшимся вопросов переселения российских подданных мусульман за границу (ГАКК, 1881–1882б, л. 2–4).

Запрет на выдачу паспортов для совершения хаджа был введен Департаментом полиции в 1889 г. из-за начавшихся эпидемий чумы и холеры. Выдача документов откладывалась на неопределенный срок до особых распоряжений. В 1895 г. паломничества были разрешены вновь, но только морским путем и ненадолго, поэтому уже в 1897 г. последовал новый запрет (Байдакова, 2006, с. 262–267). Правительство аргументировало данные запреты теми фактами, что только в 1883 г., по различным источникам, в Мекке скончалось от холеры более 600 российских подданных. Через 10 лет данная ситуация повторилась. Следует, однако, подчеркнуть, что приведенные цифры очень условны, т. к. основная масса паломников никем не учитывалась. Кроме того, во время эпидемии существовали и проблемы определения подданства (Ханмагомедов, 2011, с. 41). Из опасения ввоза инфекций и их распространения в пределах Российской империи в январе 1897 г. при Министерстве внутренних дел была создана Особая комиссия по борьбе с чумой, которую возглавил принц А.П. Ольденбургский (Бекмурзаев, 2011, с. 10).

Вопрос хаджа был делом государственной важности и затрагивал не только вопросы экономического, духовного и политического, но и медицинского характера. В мае 1901 г. Медицинским департаментом министерства внутренних дел был разослан Циркуляр на имя Губернаторов, согласно которому оговаривалось, что на основании проведенной комиссии по борьбе с чумой мусульманам России разрешается в 1901 г. совершать паломнические поездки в Мекку и Медину. Кроме того, для составления дальнейших правил совершения паломничества мусульманами, Медицинский департамент просил Губернаторов оказать содействия в этом вопросе. Со стороны губернских властей необходимо было сообщить, насколько соблюдались санитарные

нормы совершающими паломничество, и если эти правила нарушались, то как наказывались нарушители. Кроме этого, было необходимо сообщить, нарушались ли нормы по пунктам отправления в паломническую поездку. Требовалось также указать, только ли через установленные Черноморские порты совершались поездки, — или были другие пути, и каким образом они использовались. В соответствии с направленным запросом необходимо было также проинформировать, каким образом отправлялись паломники из своего места жительства, образовывались ли из них какие-то партии, при каких обстоятельствах, в какой момент это происходило, и выбирался ли какой-то староста. Региональным властям нужно было отметить, какую роль в организации этих групп играла местная администрация. Следовало не забывать о предоставлении данных о численном составе паломников. Губернские власти должны были предоставить в Министерство внутренних дел сведения о количестве выданных паспортов, а также о том, были ли случаи невозврата из паломнической поездки. При этом следовало обозначить причину отказа от возврата, если она имелась. Наряду со всеми указанными вопросами, необходимо было отметить, какие меры предпринимались по устранению задержек в выдаче паломнических паспортов (ГАКК, 1901, л. 1-10б). Таким образом, обеспокоенность российского правительства увеличением масштабов паломничества была вызвана не только опасением распространения антиправительственных идей, но и инфекционных заболеваний (холеры и чумы) (Нуриманов, 2019, с. 77).

В рамках разосланного Циркуляра Министерства внутренних дел в Донесении Енисейского губернского исправника губернатору 20 июня 1901 г. сообщалось, что в г. Енисейске и уездах живут мусульмане, преимущественно ссыльные. Кроме этого, отмечалось, что в текущем году никто из них не совершал паломничества в Мекку и Медину (ГАКК, 1901, л. 4). В рапорте Красноярского полицмейстера также сообщалось, что в означенный период паломнических поездок не совершалось, и они не планируются (ГАКК, 1901, л. 5). Аналогичная ситуация сообщалась в рапорте и Ачинским уездным исправником (ГАКК, 1901, л. 10).

Попытки участия государства в организации хаджа в начале XX в.

В 1903 г. были разработаны новые правила для паломников мусульман. В справке, составленной на основании разработанных правил, указывалось, что Министр внутренних дел обратил внимание на неблагоприятную санитарную обстановку в местах паломничества, что могло привести к распространению чумы и холеры после возвращения мусульман на родину. Однако полностью запретительные меры не останавливали мусульман, в связи с чем наблюдалось несанкционированное паломничество, что еще больше усугубляло сложившееся положение. Министром внутренних дел было предложено

регламентировать данный процесс путем выдачи льготных паспортов желающим совершить хадж, а также обеспечение их льготным питанием и проездом. Для санитарного контроля, по его мнению, следовало установить только один порт на Черном море, который бы принимал паломников. Однако со стороны Министра иностранных дел данные предложения вызвали неприятие. Свое отрицание таких правил он объяснял тем, что возвращающиеся из хаджа мусульмане были крайне враждебно настроены ко всему русскому и стремились к обособлению. Кроме того, он указывал, что мусульмане возвращаются на родину через Константинополь, где они впитывали пантюркистские идеи. В связи с этим принятие мер по облегчению совершения паломнических поездок, а тем более содействию им, по его мнению, было нецелесообразно. Министром иностранных дел было также отмечено, что процесс паломничества затрагивал интересы пароходства и позволял судам в результате этого получать некоторую выручку. Таким образом, по мнению министра иностранных дел, следовало пересмотреть данные правила (РГИА, 1903а).

Вопрос организации паломнических поездок мусульманским населением был крайне неоднозначным, так как затрагивал многие вопросы общественной и политической жизни страны. Решение проблемы санитарных норм ставило в затруднительное положение другие сферы жизни мусульман империи.

В апреле 1913 г. Главным Врачебным инспектором было подано прошение в Департамент духовных дел иностранных исповеданий с просьбой включить представителя врачебной инспекции в планируемое совещание по вопросу совершения паломничества российскими мусульманами (РГИА, 1911–1914, л. 59). Присутствие данного чиновника в составе членов совещания позволяло решить некоторые вопросы, связанные с организацией санитарных пунктов для паломников. Наличие врачебно-наблюдательных пунктов было организовано в Черноморско-Кавказском регионе, а затем потребность в них была выявлена и на границах Русского Туркестана. В результате этого врачебно-наблюдательные пункты были созданы на всех основных направлениях движения мусульманских паломников, как суннитов, так и шиитов. Путь суннитов пролегал через данные пункты к индийским портам для дальнейшей отправки в Хиджаз. Шииты же направлялись в Персию и Иран. Задачей данных пунктов было как своевременное выставление карантинных пунктов, так и контроль над паломниками и отдельными лицами, пересекающими данные пункты (Литвинов, 2017, с. 215).

Особое внимание со стороны российского правительства уделялось организации хаджа. Главной задачей было избавление его от политического влияния со стороны Персии и Османской империи. Международная обстановка во второй половине XIX – начале XX в. потребовала от военно-политических агентов наиболее пристального внимания к данному религиозному явлению. Российские паломники рассматривались иностранными государствами как инструмент воздействия на своих единоверцев в Российской

империи, способствующий дестабилизации в государстве. Чрезмерная бюрократизация процесса выдачи загранпаспортов не способствовала ограничению такого влияния со стороны иностранных агентов. Российские мусульмане, стремясь выполнить свой религиозный долг, отправлялись в хадж нелегальными путями, используя старые иностранные паспорта, тем самым оказываясь под влиянием своих единоверцев из-за рубежа, враждебно настроенных к Российской империи (Бекмурзаев, 2011, с. 10). Османская Турция принимала активное участие в организации паломничества мусульман со всего мира. В 1900 г. был объявлен сбор средств на строительство железной дороги, которая должна была связать Константинополь с Западной Аравией, обеспечив комфорт и безопасность всем паломникам. Мусульмане России и Центральной Азии также активно приняли участие в сборах (Нуриманов, 2019, с. 85).

Мекка в период хаджа становилась не только центром религиозной жизни, но местом распространения политических идей в мусульманском мире. Именно в Мекке начинали выстраиваться международные политические контакты. Турецкий султан во всем этом процессе занимал далеко не последнее место. Именно Турция стремилась зародить в российских мусульманах тягу к объединению со всем мусульманским миром, и в первую очередь, с Турцией. Мусульмане Российской империи, в период совершения хаджа очень часто находившие поддержку от правительства Османской империи, сформировали представление о Турции, как центре исламского мира и гаранте стабильности. Такое отношение к Турции вызвало во второй половине XIX – начале XX в. среди мусульман появление движения по переселению на территорию Османской империи (Четжемов, 2018, с. 109–110).

Турецкий султан гарантировал переселенцам предоставление скота и земли для их обустройства, что способствовало развитию переселенческого движения, которое затронуло также территорию Сибири. Так, из ряда сибирских деревень только в 1908 г. эмигрировало 371 человек. Ещё в 1894 г. муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания издал фетву, осуждающую переселение в Турцию (Набиев, Гафаров, 2012, с. 43–44).

Несмотря на вводимые со стороны российского правительства ограничения, по мнению мусульман из России, именно на территории Османской империи они могли получить религиозную свободу, а турецкий султан обеспечивал защиту их религиозных прав. В 1899 г. было собрано совещание Департамента полиции по вопросу о возможности переселения российских мусульман в Турцию. Ранее, в 1894 г., совместными усилиями имперских властей и муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания удалось предотвратить массовое переселение российских подданных мусульман на территорию Турции (РГИА, 1899). Несмотря на всяческое потворство данному процессу со стороны Османской империи, российские власти стремились к его сдерживанию всеми законными способами. Таким образом,

именно хадж стал для многих мусульман единственным легальным способом переселения на территорию Турции (Байдакова, 2006, с. 264).

С целью приостановления массового переселения российских мусульман в Турцию, зачастую под видом паломников, в 1898 г. было предложено ввести ряд мер, способствующих легализации паломничества мусульман. С целью упорядочения и легализации положения хаджей было предложено снизить пошлины за заграничные паспорта для паломников, а на губернские власти возложить обязанность по заботе о них, если они следовали транзитом через подконтрольные губернии. Рекомендовалось также установить льготы на билеты для паломников. Подобного рода попытки организации паломнических поездок со стороны правительства, должны были увеличить число официально зарегистрированных паломников (Байдакова, 2006, с. 264).

Предлагаемые меры были связаны с тем, что, не имея достаточной поддержки со стороны Российской империи, мусульмане оказывались в бедственном положении на территории чужой страны. В сентябре 1890 г. Министру финансов было направлено прошение консула Российской империи, находящегося в Константинополе, с просьбой разрешить принимать на корабли торгового флота мусульман, возвращающихся из хаджа. Свое прошение консул обосновывал крайне тяжелым и бедственным положением российских мусульман. В своем обращении он заметил, что годом ранее уже направлял прошение по этому вопросу, с тем, что Русское общество пароходства и торговли, в связи с введенным карантинном на Черном море, стало отказывать русским подданным-мусульманам принимать их на борт. Однако данная мера, как сообщалось консулом, продолжала действовать даже на тех паломников, которые прошли карантин и были допущены до Константинополя. Консулом было также указано, что на свой запрос ранее он получал ответ о том, что допускаются паломники, если только их освидетельствует врач Императорского посольства и вещи их будут окурены. Однако Российское общество пароходства и торговли в Константинополе подобных разъяснений не получало, в связи с чем и отказывалось принимать российских паломников на корабли. Указанное обстоятельство заставило консула повторно обратиться к Министру финансов для решения данного вопроса (РГИА, 1890). Консульство по мере своих возможностей старалось помочь российским подданным мусульманам, оказавшимся в тяжелом материальном положении во время хаджа. Так, в июне 1901 г. консульство организовало выдачу хлеба обнищавшим паломникам (Байдакова, 2006, с. 263).

Попытки легализации хаджа в Российской империи

Одной из главных задач, стоявшей перед правительством Российской империи в решении вопросов хаджа, являлся вопрос организации маршрутов паломничества. Для российских мусульман существовало несколько путей

для отправки в паломничество. Один из них был удобен для мусульман Центральной Азии, Сибири и Урала. Он проходил через территории Самарканда, Бухары и Афганистана (Нуриманов, 2019, с. 83–84). В конце XIX в. для мусульман Средней Азии и Закаспийского края морской путь в Мекку пролегал через порт Батуми, впервые о котором начинает упоминаться именно в этот период. Данный путь становится наиболее доступным в связи с развитием железнодорожного транспорта. Он функционировал до революционных событий в Российской империи (Хабибуллина, 2020, с.73). Однако открытие новых путей для совершения хаджа не решало основных проблем, которые стояли как перед самими российским мусульманами, отправляющимися в хадж, так и перед правительством.

Следует обратить внимание на то, что, испытывая ряд сложностей при совершении хаджа, российские мусульмане стремились остаться за границей. В 1890-е гг. российским консулом в Джидде было отмечено, что в Мекке после совершения хаджа осталось достаточно большое количество представителей Средней Азии, которые даже не планировали возвращаться на родину. Проживали там и татары, которые получали образование. Наиболее состоятельные русские мусульмане стремились даже приобрести дом на святой земле (Набиев & Гафаров, 2012, с. 38). Несмотря на то, что законодательство регламентировало паломнические поездки мусульманского населения, для получения заграничного паспорта следовало подать в губернскую канцелярию метрические данные, а также написать прошение с точной целью выезда за пределы страны. Если в прошении указывалась паломническая цель, то совершать его мусульманин мог только на пароходах российской паровой компании, которые отправлялись прямо в Джидду. Если же у него было желание посетить ещё и Стамбул, то следовало указывать иную цель, например, лечение или учебу (Шафииков, 2014, с. 104). Стамбул являлся транзитным пунктом на пути русских паломников в Мекку. Большинство русских мусульман стремились задержаться там, с целью общения с мусульманскими учителями и приобретения литературы. Во время хаджа многие мусульмане получали поддержку османского султана (История татар с древнейших времен, 2013, с. 345).

Данные сложности не способствовали распространению хаджа среди мусульман империи на законном уровне. В Российской империи наблюдался процесс нелегального совершения хаджа, когда мусульмане, не получая от губернских властей необходимых документов, отправлялись в паломничество, надеясь на помощь и поддержку со стороны своих единоверцев из-за рубежа. О нелегальности данного явления свидетельствуют и предоставляемые статистические данные по разным губерниям во второй половине XIX – начале XX вв.

Для того чтобы оценить, мусульмане каких губерний Российской империи больше всего были задействованы в процессе паломничества, в 1896 г. Мини-

стерством внутренних дел был произведен опрос паломников. Согласно проведенному опросу было установлено, что лишь один человек был из Акмолинской области, а Сибирские губернии вообще не значились в этом списке. При этом уже 1898 г. желающих совершить хадж из Сибирских губерний насчитывалось 250 человек, которые в этническом отношении, как сообщалось, были казахи. Отдельно была указана Тобольская губерния, от которой направлялся в паломничество один человек (РГИА, 1903а). В Енисейской губернии ситуация с паломничеством обстояла ещё сложнее. В 1896 г. Енисейским губернатором в Департамент полиции сообщалось, что в губернии мусульманское население разнообразно по этническому составу, но состоит преимущественно из ссыльного контингента, а ссыльные мусульмане не имели право свободно перемещаться даже внутри самой губернии. Поэтому вполне закономерно, что за получением паспортов для совершения хаджа также никто из них не обращался. Если же кто-нибудь из них и отправлялся самовольно, то следовал, вероятно, тем же путем, что и казахи Семипалатинской области, т. к. другим путем по Енисейской губернии трудно проехать (ГАКК, 1896, л. 17–17об.). Енисейский губернатор тем самым подтверждал существование нелегального паломнического движения среди мусульман своей губернии. Существенное различие в численности желающих отправиться в хадж представителей мусульманской уммы Сибирских губерний позволяет говорить также о неточности представленных сведений.

Осенью 1901 г. Министерством внутренних дел были разработаны Правила о паломничестве мусульман. Данный проект правил состоял из 23 статей и ужесточал меры по контролю над совершением хаджа. Были ограничены пути совершения паломничества. Так, доступными для паломников оставались лишь морские порты из Севастополя, Феодосии и Батуми. Однако после ряда критических замечаний только 8 июня 1903 г. данные правила были утверждены в качестве закона. Однако Временные правила для паломников-мусульман стали лишь дополнением к ст. 187 Устава о паспортах. Согласно принятым правилам, были установлены не только морские, но и сухопутные границы, через которые паломникам следовало прибывать на родину (Литвинов, 2014, с. 91–92; СЗ РИ, 1903, т. 14, с. 23).

В рамках обсуждения новых правил совершения хаджа было предложено высказать свое мнения губернаторам. Однако, например, губернатор Енисейской губернии затруднился высказаться по вопросам принимаемых мер. Такое затруднение объяснялось незначительным числом хаджей из вверенной губернии, либо вообще их отсутствием. Томским губернатором было отмечено, что мусульманское население, в силу своей невежественности, будет относиться с недоверием ко всем принимаемым со стороны правительства правилам упорядочения хаджа. Беспорядочный уход паломников прекратится только тогда, когда они поймут, что правительство стремится контролировать только эпидемиологическую обстановку в стране (РГИА, 1903а).

Такое отношение к явлению хаджа со стороны региональных властей Сибири подтверждается слабой включенностью мусульманского населения данных губерний в этот процесс. Согласно статистическим данным, паломникам в 1900 г. из Томской губернии было выдано 2 паспорта, в 1901 г. – ни одного, в 1902 г. – один паспорт, а из Тобольской губернии только в 1902 г. было выдано 3 паспорта (РГИА, 1903а).

К началу XX в. вопрос проникновения пантюркистских и панисламистских идей на территории Российской империи стал особенно актуальным. Революционные события в России, а также в исламском мире (Турция, Иран), стали идейно-политической основой «мусульманского движения» (Курныкин, 2018, с. 51). Обеспокоенность со стороны правительства возрастающей ролью мусульманского населения страны заставили МИД активно включиться в вопросы организации паломничества и миграции. Ведомство активно курировало процесс подготовки различного рода аналитических справок и документов. Хадж при этом начинал рассматриваться чиновниками как явление неизбежное, но приносящее только вред (Арапов, 2004, с. 210–212). Такое отношение к хаджу было связано с опасениями со стороны российского государства. Обращала на себя внимание и провокационная политика турок, которые активизировали свои позиции во второй половине XIX в. Обострение отношений с Турцией объяснялось позициями Российской империи в Средней Азии и Туркестане (Литвинов, 2016, с. 56).

Понимая значения паломничества в жизни мусульманского населения империи, а также опасаясь распространения пантюркистских идей, ещё в 1890 г. генерал-лейтенантом А.Н. Куропаткиным, являющимся начальником Закаспийской области, было предложено ограничить поклонение святым местам конкретными днями, а также не допускать до этих мест неблагонадежных иностранцев (Литвинов 2016, с. 59).

Несмотря на выстраивающуюся систему контроля над мусульманами, совершающими хадж, организации паломнических поездок со стороны государства по-прежнему уделялось незначительное внимание. Такое отношение со стороны светских властей к одному из важнейших институтов религиозной жизни её подданных оказывало отрицательное влияние на нравственное и физическое состояние паломников. Во время хаджа мусульмане стремились найти поддержку, связанную с оказанием организации размещения, медицинской помощи, а также возможности связи с родственниками (Сибгатуллина, 2010, с. 29–33; Кейн, 2021). Таким образом, российские мусульмане, не получив поддержки со стороны чиновников, стремились получить её от своих единоверцев за рубежом.

Организация паломничества представляла собой и решение некоторых финансовых вопросов. В 1903 г. Главное Управление Мореплавания и портов отметило, что российские мусульмане совершают хадж, но часто пользуются услугами иностранных компаний при перевозке. Таким образом, российское

пароходство, как и само государство, теряло существенный доход. В этой связи следовало, по их мнению, организовать данный процесс и направить через российские порты. Одной из проблем, которая также должна была быть решена, была организация прямого морского сообщения, чтобы российские паломники не пересеживались на иностранные суда (РГИА, 1903б).

С целью организации контроля над мусульманским населением, отправляющимся для совершения хаджа в Мекку, а также контроля над финансовыми потоками, участвующими в данном процессе, в 1907–1908 гг. в Одессе была предпринята попытка создания паломнического центра для мусульман. В рамках данного центра предполагалась организация доставки и размещения паломников (Брилев, 2020, с. 134–135). В связи с тем, что путь в Мекку был крайне непростым и затратным, правительство постаралось предпринять некоторые меры по облегчению организации паломнических поездок для мусульман. В 1909 г. был издан путеводитель для хаджа, в котором указывалось, какие вещи следует с собой брать, какую сумму денег, а также давались рекомендации о кипячении воды на протяжении всего путешествия с целью предотвращения заражения холерой (Шафииков, 2014, с. 105). Сложность для паломников составляла и система размещения. Во всех портовых городах были агенты, которые встречали хаджей и размещали их на ночлег, помогали с документами и закупками необходимых вещей. Однако не всегда помощь агентов была честной. К тому же российские паломники иногда не имели на руках необходимых документов. В этом случае при отсутствии заграничного паспорта им предлагалось приобрести «старый турецкий или персидский паспорт», что только усугубляло и без того нелегкое положение паломника (Хабибуллина, 2020, с. 73).

Однако все предпринимавшиеся меры, как и идея создания паломнического центра для мусульман в Одессе, не оправдали себя: паломники оказались еще в более затруднительном положении, имея право передвигаться только на судах «Добровольного флота», что стало лоббированием интересов российского пароходства. К тому же все услуги самого центра были крайне завышенными. Самых паломников не выпускали за пределы центра, а хаджи подвергались тщательному контролю со стороны полиции и жандармерии (Брилев, 2020, с. 136).

Такое отношение к паломникам было связано с тем, что хадж стал считаться основным источником распространения панисламистских и пантюркистских идей. При этом следует подчеркнуть, что не весь паломнический поток удавалось контролировать, в первую очередь по причине отсутствия достаточного количества агентов (Байдакова, 2006, с. 263).

В этой связи в записке Департамента духовных дел иностранных исповеданий о паломничестве мусульман было указано, что хадж является явлением вредным для государства, но т. к. полностью его невозможно запретить, оно должно восприниматься как неизбежное и терпимое зло, на которое

следовало вводить разумные ограничения. Согласно составленной записке, в главных паломнических пунктах в Багдаде и Джизе рекомендовалось установить императорские Российские Консульства. Одна из главных проблем, которая была указана в записке Департамента духовных дел иностранных исповеданий, – это отсутствие у русских паломников паспортов. Для того чтобы пресечь распространение такого явления, предлагалось возложить ответственность на всю сельскую общину за каждого её члена, отлучившегося без паспорта (РГИА, 1911–1914).

Как отмечено выше, места паломничества в ряде случаев становились центрами притяжения турецких агентов, которые вели агитационную работу среди мусульман по дестабилизации обстановки в стране. В 1916 г. в Туркестане был арестован Каракум-ишан, призывающий паломников-мусульман собирать деньги в поддержку Германии и Османской империи (Литвинов, 2016, с. 58). При этом данное явление было не единичным. Кроме того, опасения со стороны властей были вызваны ещё и тем, что большинство мусульманских книг, получивших распространение в учебных заведениях страны, были привезены из паломнических поездок. Так, только в Ембаевском медресе (Тюмень) в 1913 г. насчитывалось 2200 книг, купленных в Египте, Сирии и Иерусалиме во время паломнических поездок меценатом Нигматтулой Сайдуковым. Во время паломнических поездок выстраивались отношения и с видными политическими деятелями. Свидетельством этого может стать тот факт, что в 1883 г. муфтий М. Султанов был принят султаном и награжден орденом Османи 2-й степени (Набиев & Гафаров, 2012, с. 39).

Тем не менее, несмотря на все опасения со стороны правительства и попытки введения, ограничительных мер, количество мусульманских паломников на рубеже XIX – XX вв. только возрастало. При этом точное количество паломников из России в тот период определить было сложно. Причиной этого являлось отсутствие у многих из них паспортов, проездных документов, а также недостаточное количество пограничных пунктов, способных отслеживать часто хаотичное их движение (Нуриманов, 2019, с. 80).

Заключение

Таким образом, хадж для мусульман Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. оставался одним из сложных обрядов. При этом его выполнение рассматривалась как важная часть принадлежности ко всему исламскому миру. Разнообразие этнического состава мусульманских общин Российской империи породило новое паломническое явление, такое как поклонение «святым местам», располагающимся на территории Средней Азии. Для мусульман Сибири именно поклонение «святым местам» зачастую заменялось хаджем в Мекку. Однако имперские органы власти настораживало само явление хаджа, т. к., несмотря на места расположения святынь, мусульмане

в местах поклонения выстраивали тесные социальные связи и распространяли не только религиозные, но и политические идеи. Турецкие агенты во второй половине XIX в. видели в местах поклонения мусульман наиболее благодатную почву для распространения пантюристских и панисламистских идей. Имперские власти понимали значимость данного явления для мусульман, но всячески стремились к его контролю. В рамках российского законодательства применялись меры, направленные на ограничения совершения паломнических поездок. Правительство стремилось создать пункты контроля над деятельностью мусульман, направляющихся в Мекку. Отсутствие четкой и слаженной работы со стороны различных государственных ведомств привели к тому, что точные данные о количестве мусульман, принимавших участие в хадже из различных регионов Российской империи, практически отсутствовали. Мусульмане Сибири, несмотря на ограниченную информативность источников, также принимали участие в этом процессе. При этом губернские органы власти допускали совершение паломничества представителями местной уммы без получения необходимых документов, т.е. нелегальным путем.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта РНФ «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (проект №23-18-00117).

Список литературы

- Арапов, Д. Ю. (2004). Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII - начало XX вв.). Московский государственный университет.
- Афаунов, Т. А. (2008). Региональный компонент паломничества в исламе. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*, 2, 48–50.
- Байдакова, Н. Н. (2006). Хадж и миграционные процессы среди мусульман России в XIX в. *Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки*, 3–1, 261–265.
- Бекмурзаев, Б. А. (2011). Хадж из России: Опыт и проблемы государственно-конфессиональных отношении. *Исламоведение*, 3, 8–13.
- Брилев, Д. В. (2020). На пути в Мекку: Одесса как общеимперский центр мусульманского паломничества. *Islamology*, 10(1), 130–143. <https://doi.org/10.24848/ismlg.10.1.08>
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1881–1882а). Ф. 295. Оп. 5. Д. 29.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1881–1882b). Ф. 595. Оп. 5. Д. 31.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1896). Ф. 595. Оп. 8. Д. 514.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). (1901). Ф. 595. Оп.8. Д. 4421.

- История татар с древнейших времен.: Т. VI. Формирование татарской нации XIX – начало XX в. (2013). Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.
- Кейн, А. (2021). Российский хадж. Империя и паломничество в Мекку. Новое Литературное Обозрение.
- Литвинов, В. П. (2014). Власть и паломничество мусульман в русском Туркестане. *Власть*, 6, 88–93.
- Литвинов, В. П. (2016). «Святые места» мусульман Туркестана как центры антироссийской деятельности турецкой агентуры (вторая половина XIX – начало XX в.). *Вестник РУДН*, 15(2), 55–65.
- Литвинов, В. П. (2017). Санитарно-эпидемиологические меры власти в системе паломничества мусульман русского Туркестана (1865–1917 гг.). *Власть*, 25(5), 210–216.
- Литвинов, В. П. (2020). Хранители «святых мест» в Средней Азии и Российское государство (1865–1917 гг.). *Вестник РУДН*, 19(4), 781–792. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-781-792>
- Набиев, Р. А., & Гафаров, А. А. (2012). Связи с исламским миром как фактор укрепления единства и традиций российских мусульман (XIX – начало XX в.). *Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки*, 154(3), 36–47.
- Нуриманов, И. А. (2019). Становление паломнических маршрутов мусульман Российской империи в Аравию во второй половине XIX – начале XX в. *Вестник Московского университета. Серия 13: востоковедение*, 2, 74–90.
- Романовская, Л. Р. (2006). Государственно-религиозная политика по отношению к мусульманам: Перелом на рубеже веков (XVIII–XIX века). *Вестник Чувашского университета*, 4, 149–152.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1890). Ф. 95. Оп. 1. Д. 2297.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1899). Ф. 1291. Оп. 3. Д. 1569.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1903а). Ф. 95. Оп. 4. Д. 726.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1903б). Ф. 95. Оп. 4. Д. 803.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1911–1914). Ф. 821. Оп. 133. Д. 519.
- Свод законов Российской империи (СЗ РИ). Т. 14. (1912). Русское книжное товарищество «Деятель».
- Сибгатуллина, А. Т. (2010). Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. ИВ РАН.
- Хабибуллина, З. Р. (2020). Батуми в маршрутах хаджа (паломничества) российских мусульман. *История и педагогика естествознания*, 3–4, 72–74. <https://doi.org/10.24412/2226-2296-2020-3-4-72-74>
- Ханмагомедов, Я. М. (2011). Хадж: Социально-экономический и медико-эпидемиологический аспекты. *Исламоведение*, 2, 37–45.
- Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). (1862). Ф. 295. Оп. 4. Д. 4592.
- Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). (1868–1869). Ф. 295. Оп. 4. Д. 6777.

- Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). (1894-1896). Ф. 295. Оп. 3. Д. 13631.
- Чеджемов, С. Р. (2018). Конфессиональная политика Российской империи в середине XIX в. (На примере переселения народов Кавказа, исповедующих ислам, в Турцию). *Народы и религии Евразии*, 1, 108–116. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2018\)1-11](https://doi.org/10.14258/nreur(2018)1-11)
- Шафиков, И. Ф. (2014). Путь в Мекку: Будни российских паломников (конец XIX – начало XX века). *Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки*, 156(3), 103–110.

References

- Afaunov, T. A. (2008). The Regional Component of Pilgrimage in Islam. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Politics*, 2, 48–50. (In Russian).
- Arapov, D. Yu. (2004). *Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiyskoy imperii (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX vv.)*. Moskovskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russian).
- Baydakova, N. N. (2006). Hadj and Migration Processes among the Muslims of Russia in the XIX century. *Tambov University Review: Series Humanities*, 3–1, 261–265. (In Russian).
- Bekmurzaev, B. A. (2011). Khadz iz Rossii: Opyt i problemy gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii. *Islamovedenie*, 3, 8–13. (In Russian).
- Brilev, D. V. (2020). On the Way to Mecca: Odessa as an Imperial Center of Muslim Pilgrimage. *Islamology*, 10(1), 130–143. <https://doi.org/10.24848/ismlg.10.1.08> (In Russian).
- Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan (CSHA RB). (1862). F. 295. In. 4. C. 4592. (In Russian).
- Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan (CSHA RB). (1868–1869). F. 295. In. 4. C. 6777. (In Russian).
- Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan (CSHA RB). (1894–1896). F. 295. In. 3. C. 13631. (In Russian).
- Chedzhemov, S. R. (2018). Religious policy of the Russian Empire in the mid 19th century (for example, the migration of peoples of the Caucasus, followers of Islam in Turkey). *Nations and religions of the Eurasia*, 1, 108–116. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2018\)1-11](https://doi.org/10.14258/nreur(2018)1-11) (In Russian).
- History of the Tatars since ancient times: Vol. VI. Formation of the Tatar Nation 19th – early 20 century.* (2013). Institute of History named after Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. (In Russian).
- Kane, A. (2021). *The Russian Hajj. Empire and pilgrimage to Mecca*. New Literary Review. (In Russian).
- Khabibullina, Z. R. (2020). Batumi v marshrutakh khadzha (palomnichestva) rossiyskikh musul'man. *Istoriya i pedagogika estestvoznaniya*, 3–4, 72–74. <https://doi.org/10.24412/2226-2296-2020-3-4-72-74> (In Russian).
- Khanmagomedov, Ya. M. (2011). Khadz: Sotsial'no-ekonomicheskii i mediko-epidemiologicheskii aspekty. *Islamovedenie*, 2, 37–45. (In Russian).
- Litvinov, V. P. (2014). Authority and Pilgrimage of Muslims in Russian Turkestan. *Vlast' (The Authority)*, 6, 88–93. (In Russian).

- Litvinov, V. P. (2016). Turkestan Muslims' "Holy Places" as Centres of Antirussian Activities of Turkish Secret Service (second half of 19th – early 20th centuries). *RUDN Journal of Russian History*, 15(2), 55–65. (In Russian).
- Litvinov, V. P. (2017). Sanitary-Epidemiological Measures of the Authorities in the System of Pilgrimage of Russian Turkestan Moslems (1865–1917). *Vlast' (The Authority)*, 25(5), 210–216. (In Russian).
- Litvinov, V. P. (2020). Custodians of Holy Places in Central Asia and Russian State (1865–1917). *RUDN Journal of Russian History*, 19(4), 781–792. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-781-792> (In Russian).
- Nabiev, R. A., & Gafarov, A. A. (2012). Svyazi s islamskim mirom kak faktor ukrepleniya edinstva i traditsiy rossiyskikh musul'man (XIX – nachalo XX v.). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki*, 154(3), 36–47. (In Russian).
- Nurimanov, I. A. (2019). Formation of the Muslim Pilgrimage Roots from the Russian Empire to Arabia in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 13: Vostokovedenie*, 2, 74–90. (In Russian).
- Romanovskaya, L. R. (2006). Gosudarstvenno-religioznaya politika po otnosheniyu k musul'manam: Perelom na rubezhe vekov (XVIII–XIX veka). *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*, 4, 149–152. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1890). F. 95. In. 1. C. 2297. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1899). F. 1291. In. 3. C. 1569. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1903a). F. 95. In. 4. C. 726. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1903b). F. 95. In. 4. C. 803. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1911–1914). F. 821. In. 133. C. 519. (In Russian).
- Shafikov, I. F. (2014). Put' v Mekku: Budni rossiyskikh palomnikov (konets XIX – nachalo XX veka). *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki*, 156(3), 103–110. (In Russian).
- Sibgatullina, A. T. (2010). Kontakty tyurok-musul'man Rossiyskoy i Osmanskoy imperiy na rubezhe XIX–XX vv. IV RAN. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1881–1882a). F. 295. In. 5. C. 29. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1881–1882b). F. 595. In. 5. C. 31. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1896). F. 595. In. 8. C. 514. (In Russian).
- State Archive of the Krasnoyarsk Krai (SAKK). (1901). F. 595. In. 8. C. 4421. (In Russian).
- Svod zakonov Rossiyskoy imperii (SZ RI)*. Vol. 14. (1912). Russkoe knizhnoe tovarishchestvo "Deyatel". (In Russian).